



Илья Виноградов родился в Мурманской области в 1978 г. Автор 7 книг стихов и прозы, переводов поэзии с болгарского и норвежского языков. Член Союза писателей России с 2014 г. С 2019 г. – председатель Мурманского отделения Союза писателей России. Публиковался в различных региональных и всероссийских журналах, включая «Литературную газету», журнал «Север», альманахах, антологиях, в том числе Антологии «молодой» литературы России «Заря».

Илья Виноградов **г. Мурманск**

Как добротна мебель из дерева
И тепла добротой леса!
Словно лес открывает двери вам,
Что поют под тяжестью веса.

Только мир сплошь вокруг пластмассовый,
Словно душный бездушный ящик
С одноликой культурой массовой,
Легковесной, ненастоящей.

Но сбегу я, поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные,
Как когда-то дома и лодки.

Про точность образов и слов
Мне сибирячка говорила.
И вечер, черен и суров,
Стремился птицей шумнокрылой

Над Подмосковьем за предел.
Я миллион мгновений кряду
В глаза сибирские глядел –
И понимал, что слов не надо.
Излишен шёпот, хрупок крик
В тайге оснеженной, бескрайней,
Где государственный язык –
Язык безмолвия и тайны,
Где времени тревожный бег
Неспешной приглушён порошей,
И если рядом человек,
То он красивый и хороший.
А вечер оперялся тьмой,
Светлей которой нету в мире.
И, образный ломая строй,
Теплом тянуло из Сибири.

Южный крест

Ищу над царством вьюг
На небе Южный крест.
Мне возражает друг:
Тот крест – не с этих мест.

Ковш гнутый по ночам
Вычерпывает тьму.
А крест – не по плечам.
Но я назло всему

Ищу среди вьюжных снов,
Печальных, как зола,
То ль новых берегов,
То ль пятого угла.

Челн

Сник рыбак в челне курносом,
На простор устав смотреть,
Весла осушил и бросил,
Выпростав, отбросил сеть.

Зыбь колеблет отблеск белый
Веют думы про судьбу:
Плыл – в начале – в колыбели,
Поплыву – в конце – в гробу.

За разлив зари вечерней,
Где водой стал небосвод
Молчаливое течение
Челн задумчивый влечет.

Египет

Араб, откинув тростниковый жмых,
Начислил в чашку светлой сладкой жижи.
Он провожал из Города живых,
И Город мёртвых становился ближе.
Чернел забывший наводнения Нил,
Удавкою плотины обезврежен,
И Город мёртвых всё страшней манил.
Ну а живые вспоминались реже –
Пусть забивают закрома зерном,
Прорастившая алчность человечью,
И вечно рассуждают о земном.
А мёртвые, как водится, о вечном:
Что бестелесная жива душа,
Мертво душой покинутое тело...
Их речь, как флейту Бога, не дыша
Хотелось слушать и понять хотелось.

Но не хватило времени и сил.
Промчался час, и нас помчал обратно
Уставший, чёрный от работы Нил,
И сувениры впаривал араб нам.

Краснолесье

Тропка меж стволов уводит,
Ключ взрезает плоть земли,
Сопричастная природе,
Электричка мчит вдали.

Терем леса полон света,
Радостен кукушки счёт,
Пляшут нимфы в чаще где-то,
Что-то водится ещё.

Кто-то, дюжий и косматый,
Верно, злющий натошак,
Ищет жертвы бесновато:
Жизнь, а, может быть, рюкзак –

Дань с того, кто сам, без спроса,
В заповедное проник,
К счастью путь нашёл так просто,
Чистой радости родник.

Пусть мой след простынет к ночи –
Я уже увидел рай!
Говорю: «Бери, что хочешь.
Всё, что хочешь, забирай».

А лесник – косматый, дюжий,
Как лесное божество,
Скажет: «Ничего не нужно.
Ровным счётом ничего».

Сражайся за свет и за правду –
Бог в помощь, видать по всему,
И лжи не прощай даже брату.
Но зла не желай никому.

Дерись, кулаки напряжинив.
Кто жалит безжалостней змей –
Бей палкой вовек и отныне,
Но смерти желать не посмей.

В дому человечьем непрочном,
Где свечка, и печь, и кровать,
Глухою порою полночной
Дверь ветру забудь открывать.

Откроешь – и холод беззвёздный
Войдёт чередою потерь,
И первым до смерти замёрзнет
Открывший нечаянно дверь.

Сосед улегся под забор
У дворовой межи.
Он, в общем, пьяница, и вор –
Пускай себе лежит.

Он лёг на оголённый лёд,
Хватив с утра лишка.
Не тронь – по матери пошлёт,
Бедовая башка.

Соседи – им не в первый раз –
В домашний свой уют
Идут. И радуется глаз,
Как хорошо идут!

И я иду, закутан в шарф,
Не мёрзну на ветру.
Но корчится внутри душа –
Что ей не по нутру?

Как будто – где, не разобрать, –
Погасли фонари:
Не должен человек лежать,
Чего не говори!

Как будто – кажется ещё –
Ты сам упал во тьму,
И начал рефери отсчёт –
Тебе, а не ему.

Дышит вулкан мировой
Испепеляющей магмой.
Видно пред ликом его,
Кто мой товарищ, кто враг мой.

Жизни исток и финал –
Неба подземное пламя.
Разом картина видна –
Кто против нас был, кто с нами.

Слепнут селенья в огне
Неиссякаемо диком.
Но в красных бликах видней
Зла и добра многоликость.

Лаву остудит вода –
Отче детей не покинет.
Вот и прозреем тогда,
Кто же мы сами такие.